

Гимн спорту, или?..

В Саратове вышла новая книга известного прозаика, члена Ассоциации саратовских писателей Ивана Корнилова «Стадион», название которой дал роман, вошедший в издание

Занимательность повествования не помешала тщательной прорисовке характеров изрядного количества очень разных героев. Важно, что всё это «народонаселение» не представляется автором ни сусальным, ни осуждаемым. Корнилов будто говорит: «Не судите да не судимы будете».

Конечно, наибольший интерес вызывают фигуры главных героев: Павла Камшилова и директора стадиона Ивана Христиановича Камерцеля. Это личности выпуклые. Помнится, в советские времена критика была озабочена поисками положительного героя в современной литературе, а идеологи чуть ли не рыдали по причине их редкости, особенно в прозе. Ныне идеологии нет, а для критиков поиски примеров для подражания демонстративно неактуальны. Так вот... у Корнилова и Камшилов, и Камерцель — как раз то, что называется положительными героями. Оба (каждый по-своему) — люди дела, люди долга. Оба совестливы. Хотя не без мелких грешков. Такой показ персонажей вызывает доверие — к ним и к писателю.

Однако какого рода у них грешки? Камшилов грешит писательством, а Камерцель, узнав, что в возглавляемый им трудовой коллектив проник, как сказал бы Гоголь, «шелкопёр», который может такое о заведении написать, что мало не покажется, ищет способы нейтрализовать опасного сочинителя или лучше избавиться от него от греха подальше.

Ну и хитрят, конечно, чтобы вину с себя снять. Впрочем, изыскание «отмазки» имеет для Камерцеля некоторое моральное оправдание, позволяя продемонстрировать высоким инстанциям «бурную преентивную деятельность» (все, мол, и так уволены), которая даёт шанс из всех возможных зол выбрать наименьшее!

Интересно, что герои романа «Стадион» пытаются проследить этимологию самого слова «стадион». В шутку (или, как говорится, в сердцах) предполагая, что в основе его лежит «стадо». Затем уточняется, что основой является всё-таки «stadion» (или «стадия») — древнегреческая мера длины. Но, по прочтении книги, невольно допускаешь предположение: а может быть, «стадион» (в широком смысле, включающем сюда пассивные спортивные, как у древних римлян, зрелища без собственного участия в них даже при отказе от личной физкультуры) всё-таки именно от

«стадия», но в современном понимании этого слова, означающего этап развития? Этап не случайный, а развитие... не как улучшение состояния и противопоставление отжившему старому? Не регресс ли в смысле цивилизационном?

Во всяком случае фанатеющие толпы, среди которых трудно обнаружить индивида с человеческими (это же должен быть образ Божий!) качествами, вызывают подобные мысли. И ведь спорт, в отличие от физической культуры, превращает своих профи в калек, а болельщиков — в больных (физически, так как почти не двигаются, и психически, так как теряют образ не то что Божий, но и человеческий, ведут себя безобразно) и немощных.

Впрочем, думаю, большинство читателей прочтут роман Корнилова как апологику, как гимн его величеству спорту. Тем более, что драматизм футбола передаётся писателем настолько, что адреналина (вот он — новый бог наравне с наркотиками, отчасти даже заменяющий их) не меньше, чем при непосредственном «болении» во время матча.

Роман Ивана Корнилова захватывает и сюжетом, и психологической составляющей в поступках героев и читается настолько легко, что создаётся ощущение, будто и писался он легко, а автор его — несомненно человек молодой, даже юный, брызжащий энергией. Причём, от того, что знаешь действительный возраст писателя и имеешь представление о вехах весьма немалого жизненного пути его, ощущение ничуть не ослабевает.

Михаил МУЛЛИН

Динамизм этого произведения подчёркивается и отчасти обеспечивается тем, что события дня расписаны с точным указанием времени происходящего. Скажем, герой из дома вышел в 9:27, а к месту работы подошёл в 9:53. Приём интересный для читателя и мобилирующий автора, избавляющий его от ненужных подробностей.

Иллюзорные миры поэта

Говорят, что поэт — это не только стихотворные строки, но, прежде всего, состояние души и «жизнь наизнанку», без кожи...

У поэтов свой крест. Зная это, я каждый раз радуюсь, что не пишу стихов. Иначе жить было бы ещё сложнее.

Николай Калтыгин, что бы ни делал, всегда удивлял и ошарашивал. Сначала с головой ринулся в политическую журналистику, что называется, ходил по самому краешку. Спустя несколько лет оказалось, что он работает завлитом в драматическом театре у маститого режиссёра. Тогда же его избрали председателем регионального Союза российских писателей, и он развил кипучую деятельность: организовал дни памяти Лермонтова на Липецкой земле, литературную премию имени Замятина, за свой счёт издавал местную литературную газету...

Став директором регионального Литературного фонда, Николай Калтыгин объединил местные разрозненные творческие союзы и создал региональную литературную антологию писателей и поэтов. Но при таком успехе и семейном благополучии он всегда как бы «жил с катаклизмами, ходил по острию». Поэт, если он настоящий, всегда человек крайностей, налицо — демонстративность поступков и чувств.

Книга Николая Калтыгина «Иллюзорность мироздания» увидела свет осенью 2017 года, презентовать он её 7 ноября, в 100-летнюю годовщину Октябрьской революции. Присутствуя при этом, я в очередной раз вспомнила, что Николай по образованию историк. Его Вселенная — понятие, которым он оперирует столь же смело, сколь и отчаянно, во многом зиждется на фундаментальных знаниях, закономерности чисел, основах нумерологии

и некой мистической тайне, что движет Солнце и светила.

Ранее у Николая вышли уже три книги «Грань веков», «Сны под озябшей Луной» и поэтический сборник «Парадигма». В промежутках между ними поэт успешно печатался в столичных и региональных литературных журналах и альманахах. И всё же перерыв в девять лет между книгами тоже что-то значит, несёт свою смысловую нагрузку — свои изменения и знаменения. Число «9» по нумерологии — это способность жить по божественным стандартам, обладать состраданием, любовью и милосердием. Неслучайно в это самое время жизнь Николая была озарена рождением троих детей и новым посылом к творчеству.

Программное стихотворение сборника «Сотворение» закручивает читателя в галактических вихрях, поэтическом видении истории сотворения мира и месте в нём поэта:

Взрывалось солнце
дивным маскарадом.
Впивались радугами звёзды в небо.
Земля казалась перманентным адом...

При этом звукопись удивительным образом соседствует с живописными мазками — как тут не вспомнить высказывание одного из великих: «Поэзия — это живопись, которую слышат»:

Изменчивость воспринимал,
как смертность,
В мир грёз уже, по-своему,
влюбившись...

Словесная ткань по-мужски брутальна и убедительна.

При этом поэт — всё тот же баламут, но ещё более раскованный, смелый и даже трагичный, готовый идти до конца, — лишь бы не штиль и не проза жизни. О, эта отчаянная искренность поэтов, о ней так много уже сказано! Поэты продолжают слагать стихи даже в нашу скоротечную эпоху, подчас с риском для себя.

Поэт повзрослел, помудрел, но остался столь же безбашенным, пронзительным. А стихотворные строки — дневник его души:

Мы приходим
из «ниоткуда»,
Возвращаемся в «никуда». Уповаем на данность чуда,
Если с ближним
стряслась беда.
Растекаемся по Вселенной,
Прорываем насквозь
миры.
Из-за истины переменной
Пропускаем небес дары...

Искренние и зачастую нелюбимые признания на высоком поэтическом тоне, разлад мечты и действительности и то, что я бы назвала «лермонтовщиной» — смесь мистики, высокого эмоционального напряжения и ярких образов по обе стороны добра и зла.

И на фоне этой грандиозной битвы миров — россыпь колокольного звона, тревога за Отечество и генетический код «русскости», который есть в каждом из нас:

Струпами на теле чехарда знамен,
Мыслями о брэнном ритмича битв.
По Руси распадком колокольный звон,
Об ушедших в искус —
тишина молитв.

В эпоху всеобщей глухоты к нам прорывается живой и искренний голос поэта. Хорошо бы его услышать!

Татьяна ЩЕГЛОВА

